

ОТЗЫВ О МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ А.В.ВЫДРИНОЙ «МОРФОСИНТАКСИС ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ КАКАБЕ (ПРЕДИКАТИВНЫЕ МАРКЕРЫ И ПРЕДИКАТИВНОСТЬ)»

Прежде всего, считаю нужным отметить, что объем (154 стр.), содержание и общий уровень работы соответствует не только уровню магистерской диссертации, но и, при некоторой доработке, могли бы претендовать и на следующий уровень научной квалификации. В принципе, каждая из глав магистерской диссертации А.В.Выдриной по объему работы и качеству результата при некоторой доработке могла бы соответствовать уровню магистерской диссертации. По сути, работа представляет собой весьма существенную часть общей грамматики языка какабе, причем, весьма высокого научного уровня. Очевидно, Александра Валентиновна является лучшим в мире (если не единственным) специалистом по данному языку, что делает ее работу частью важного процесса документирования не изученных или мало изученных языков. В центре внимания находится группа предикативных показателей, которые, очевидно, играют важную роль в языке, и их описание для языков манде, по сути, представляет собой описание морфосинтаксиса простого предложения.

Работа состоит из 6 глав, введения и заключения. В первой главе приводятся общие сведения о грамматике языка какабе, во второй главе рассматривается употребление предикативных маркеров при именной предикации, в третьей главе подробно анализируется тональное поведение предикативных показателей, в четвертой – их семантика. 5 и 6 главы посвящены соответственно прогрессивной и результативной конструкциям.

К несомненным достоинствам работы относится богатство представленного языкового материала (305 глоссированных языковых примеров) и степень его проработанности. Немногие языки даже с существенно более богатой историей изучения были проанализированы с помощью корпуса текстов. Языку же какабе в этом отношении повезло – А.В.Выдриной успешно использовала самой же ею подготовленный корпус текстов различного характера, что в сочетании с продолжительной работой с информантами в ходе многолетней экспедиции в Западную Африку позволило тщательно проанализировать достаточно тонкие нюансы глагольного морфосинтаксиса какабе и получить вполне надежные результаты. Степень проработанности, например, тонального поведения предикативных маркеров заслуживает самой высокой оценки. А.В.Выдриной владеет и грамотно оперирует современным лингвистическим аппаратом и приводит

интересные типологические параллели, что делает ее работу еще более интересной, например, см. раздел про соотношение пассива и результатива.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что магистерская диссертация А.В.Выдриной представляет собой серьезный лингвистический труд, существенный по объему и качественный по содержанию.

В качестве материала для дискуссии можно было бы предложить большую структуризацию морфосинтаксического статуса описываемых предикативных маркеров: какие элементы конструкции можно считать морфемами (с соответствующими значениями), где мы имеем дело с комбинациями морфем (конструкциями), что является исходной точкой описания форма или содержание (категории). Возможно это позволило бы избежать некоторых сложностей в структуре самой работы. Так, например в главе 4 в названиях разделов и подразделов встречаются категории (значение будущего времени), формы (морфемы? - показатель перфекта) и конструкции.

Можно высказать и некоторые несущественные текстовые замечания. Первая фраза работы не представляется оптимальной: «Целью данной работы является описание того, как в какабе выражаются предикативные категории.» На с. 5 речь идет о северо-западной диалектной группе, а на с. 6 о северо-западном диалекте. В разделе про тоны непонятен низкий тон у «*jɔn* 'раб'» в примерах на высокий тон и реализации тона среднего гласного в трехсложниках при восходящем тоновом контуре, почему у *súrukúmísí* обозначены все тоны, а у *dɔgɔmusu* – только один (с. 10). Не уверен в удачности образования «каузативация» («при каузативации переходного глагола» (с. 12). Более удачно можно сформулировать фрагмент о посессивности – «Непосредственное соположение используется в том случае, когда, условно говоря, имеется более тесная связь между компонентами» (с.13). Артикль «присоединяется только после прилагательного» (с.16) – не после, а к прилагательному. Не понятно, когда употребляется артикль с числительными («иногда» в качестве объяснения не очень подходит). При объяснении употребления артикля с посессорами скорее можно говорить о референциальном и неререференциальном употреблении, а не о посессивной и атрибутивной семантике (с. 17). «В обоих случаях инклюзивное местоимение представляет собой сочетание местоимения второго лица множественного числа *ɔ* и инклюзивного местоимения первого лица множественного числа *ta / tɔɔ*» (с.22) - как видно из таблицы местоимений, это не инклюзивное, а эксклюзивное местоимение. «Значения вида, времени, полярности и модальности, сферой действия которых является вся клауза, выражаются с помощью

отдельного показателя, а собственно глагольные категории выражаются на глаголе» (с. 39), но, как видно из примеров, эти значения выражаются не только и не всегда отдельно от глагола. В таблице в завершающем подразделе о неглагольной предикации (с.38) отражены не все описанные случаи возможности опущения компонентов высказывания, что представляется важным не только описать в тексте, но и отразить в таблице. Трудно согласиться с утверждением на с. 39 с. о «неспособности привычных нам копул употребляться в императивном значении» - примеры типа «Будь самим собой!» вполне привычны для русского языка. Во фразе на с. 42 «в какабе существуют строгий запрет на употребление всех остальных глаголов без существительных – за исключением случая с *kó*, позиция существительного всегда должна быть занята», видимо, перепутаны понятия «существительное», «именная группа» и «подлежащее». На с. 43 показатель *la* называется послелогом, а глоссируется как герундий. Не очень удачна фраза «как оказалось, предикативные маркеры *taa* и *tee* тоже имеют высокий тон» (с.50). Сокращенные символы для индексации текстов корпуса лучше разместить в начале или конце работы, а не на с. 75 – до этого те же индексы уже неоднократно встречались в работе.

Непонятно определение одного из значений экзистенциальной копулы – «некоторые значения эмоции» (с. 148). «Частный» вопрос (с.149), видимо, лучше назвать специальным.

В списке сокращений есть стандартные LOC и PL, но нет «dtm». В библиографии в двух случаях используется курсив в названии изданий, а в остальных – нет.

Встречаются и некоторые опечатки - «типы негольных предложений» (с. 4), «конечных гласный» (с. 15), «В генетивной именной артикль» (с.17), «хотя все существуют некоторые контексты» (с.17), «В экзистенциальном предложении может говориться о существовании какого-либо безотносительно конкретного места» (с.30), «тажке» с. 51, «Присоединяясь к глаголу, они поучают тон» (с.54), «одноморынь» (с.57), «выражается не только значение резуальтирующего состояние но и значение предшествующего действия» (с.150 – сразу 3 опечатки), «рефлексивно-дкаузативного происхождением» (с. 150 – 2 опечатки).

Все эти небольшие недочеты и замечания дискуссионного характера не могут поставить под сомнение огромный труд, который виден за работой магистрантки, и серьезный научный результат, который является его итогом. Без сомнения, работа А.В.Выдриной заслуживает самой высокой оценки и достойна быть опубликована.

Доктор филол. н., зав. кафедрой африканистики

А.Ю.Желтов

